

*С вечной любовью и благодарностью
посвящаю Джин Вольц,
которая относилась ко мне лучше,
чем я к самому себе,
а также моим дорогим брату и сестре,
Би и Линдли*

*Не унывай! Дружба приведет нас к свободе.
Те, кто любит друг друга, будут неодолимы.*

Уолт Уитмен.

Над бойней вознесся пророческий голос

Часть первая

ВИСКОНСИН
ОСЕНЬ 1907 ГОДА

ГЛАВА 1

Стоял пронизывающий холод, воздух был полон тем, что еще не случилось. За секунду до четырех часов мир замер. Никто не шевелился — ни человек, ни птица. На долю мгновения наступила тишина и полная неподвижность. Застывшие люди на застывшей земле — мужчины, женщины, дети.

Если б вы там были, то ничего не заметили бы, не ощутили бы оцепенения. Но если вдруг непостижимым образом обратили бы внимание на ту неподвижность, мысленно сняли бы ее на фотографическую пленку, а потом посмотрели на негатив, то решили бы, что в этот момент все и началось. Стрелки щелкнули. Часы пробили. Все снова пришло в движение. Поезд опаздывал.

Стихия вот-вот должна была разыграться. Чувствовалось, что будет метель. Утоптаный снег, лежащий повсюду, уходил к темному горизонту; глазу не за что было уцепиться. Из-под снега торчала стерня, острая как бритва. Вороны клевали пустоту. Река чернела, точно замерзшая нефть.

«Кто сказал, что ад — непременно огонь? — подумал Ральф Труит, стоя посреди толпы на платформе

крошечной железнодорожной станции, в сердцевине замороженного пространства. — Что, если ад как раз такой? С каждым мгновением он темнеет, и от холода кожа сходит пластами».

Труит ощущал страшное одиночество. Всю жизнь он словно находился в огромной ледяной глыбе, отовсюду к нему тянулись жадные руки, каждое сердце чего-то от него хотело. Труиту казалось, что у всех есть причина для существования и свое предназначение на земле. У всех, кроме него. У него не было ничего. В промозглom и жестоком мире для него не нашлось места.

Он взглянул на свои серебряные часы: да, поезд задерживается. А он рассчитывал, что поезд сегодня придет вовремя. Минута в минуту. Он заказал себе пунктуальность, как другой в ресторане спрашивает стейк по своему вкусу. Все молча смотрели на Ральфа. Должно быть, знали. И он стоял перед всеми как дурак. Да он и в самом деле дурак. Даже такая мелочь ему не удалась. Растаяла последняя искорка надежды.

Ральф был человеком, привыкшим получать желаемое. После того как двадцать лет назад на него свалились страшные потери — жена, дети, крушение планов и мечтаний, — в качестве щита против ужасов жизни он придумал цель: исполнять поставленные перед собой задачи. И это помогло. Он был непреклонен. Горожане его за это уважали и даже побаивались. Ну а теперь поезд опаздывал.

Люди мерили шагами платформу, делали вид, будто ничего не происходит, будто сюда они явились не затем, чтобы поглазеть на Труита, ожидающего поезда. Шутили, смеялись. Тихо разговаривали из сочувствия к промашке Ральфа. Поезда не было. В воздухе ощуща-

ВЕРНАЯ ЖЕНА

лось приближение снега, приближение метели. Случается весной такой день, когда все женщины города, словно после секретного сигнала, выходят на улицу в летних платьях, уловив приближение жары. Вот так же и осенью: в какой-то день из-за угла с острым ножом выскакивает зима, готовясь нанести удар. В этом сезоне таким днем стало 17 октября 1907 года. Четыре часа дня, а уже темнеет.

Все без исключения одним глазом следили за погодой, а другим — за Ральфом. Ожидали и переглядывались всякий раз, как Ральф вытаскивал серебряные часы. Поезд опаздывал.

«Так ему и надо», — злорадствовали окружающие, по большей части мужчины. У некоторых — в основном у женщин — в голове бродили более добрые мысли. «Может быть, — думали они, — после всех этих лет...»

Ральф понимал, что его обсуждают, и представлял, какие чувства он вызывает. Сложные чувства. Он проходил мимо людей, вежливо приподнимая шляпу. Ему тяжело давалась эта вынужденная любезность. Он угадывал настроение по глазам. Каждый день своей жизни он видел это: уважительное обращение, а за спиной смешки, относящиеся к его прошлому. Иногда это были поддерживающие слова, произнесенные шепотом, ведь в Ральфе было что-то, даже сейчас, способное тронуть сопереживающее сердце.

Он считал, что главное — не сдаваться. Не горбить озябшие плечи, не притопывать ногами, не дуть на замерзшие ладони. Не расслабляться на холоде, принять его как неизбежность, смириться с тем, что он останется надолго. Приветствовать его, как приветствуют теплый весенний ветерок. Главное — слиться с ним,

стать его частью, а не закончить этот день в ознобе с окоченевшими и красными руками.

Размышлял он о том, что от некоторых вещей можно отстраниться, а от большей части — нельзя, во всяком случае, от мороза. Нельзя отстраниться от плохих событий, которые с тобой происходят. От потери любви. От разочарования. От трагедии, бьющей наотмашь.

Ральф стоял с видом уверенного в себе человека. Грудь вперед, плечи расправлены. Ему и дела нет до погоды, до сплетен. Он смотрел на рельсы, уходящие вдаль. Надеялся и сам удивлялся, что надеется, дивился тому, что выглядит неплохо — не слишком стар, не глуп и не беспощаден. Ральф мечтал о снеге, что скроет его душевные терзания и безнадежное одиночество.

Он пытался быть хорошим человеком, хотя плохим никогда не был. После первых желаний и потерь он отучился хотеть. Однако сейчас ему чего-то хотелось, и это пугало и сердило его.

Перед выходом из дома Ральф оделся, застегнул пуговицу на воротнике рубашки, поправил узел галстука. Все это он проделывал каждое утро — тщательно, как и полагается аккуратному человеку. Но затем он заметил в одном из зеркал свое отражение. Зрелище его ужаснуло. Он вдруг увидел, что сделали с ним горе и высокомерие. Долгие годы прошли в ненависти, гневе и сожалениях.

Глядя на тревожную надежду на своем лице, он понял: на всех фазах своего глупого предприятия он не верил, что этот момент настанет, а ему будет трудно его перенести. Но именно так и произошло, судя по выражению лица в зеркале. Он не мог перенести болезненного возвращения к жизни. Все эти годы он справлялся со смертью и ужасным стыдом. Шел впе-

ВЕРНАЯ ЖЕНА

ред вопреки всему. Ежедневно просыпался, ехал в город, ел, вел отцовский бизнес и неотвратно оказывал влияние на жизни людей, как бы ни старался этого избежать. Он привык к тому, что его лицо посылает сигнал: все хорошо, все нормально, все в порядке.

Сегодня утром в зеркале Ральф увидел, что в дураках остался именно он. Подобное открытие задело его.

Эти люди, их часто болеющие дети... Мужья и жены, не любившие друг друга или любившие,— Ральфа терзала их сексуальная жизнь, скрытая под одеждой. Похоть людей. Контакты и прикосновения. Их дети умирали, иногда все сразу. За месяц. От дифтерии, тифа или гриппа. Мужчины и женщины за ночь сходили с ума, по неизвестной причине устраивали пожар в своем доме или же расстреливали родственников, даже собственных детей. Публично оголялись, мочились на улицах, испражнялись в церквях. Забивали здоровых животных, сжигали их в хлеву. Об этом каждую неделю писали газеты. Каждый день происходила новая трагедия, новое необъяснимое сумасшествие.

Они поливали свою одежду керосином, слишком близко становились к огню и вспыхивали как свечки. Пили отраву. Подмешивали яд друг другу. Рождали дочерей от собственных дочерей. Ложились спать психически здоровыми, а просыпались безумцами. Сбегали. Вешались. Такое случалось.

Ральф полагал, что его лицо и тело нейтральны, но на самом деле с сочувствием относился к людям и их горестям. Ложась спать, он старался выкинуть мрачные мысли из головы, однако сегодня утром понял, что прошлое наложило на него отпечаток.

Серая кожа, безжизненные волосы, и их меньше, чем он помнил. Углы губ и глаз опустились. На лице страдальческое выражение. Голова откинута назад, поскольку люди часто подходили слишком близко и разговаривали слишком громко. Все это стало заметно. Все видели это. Оказывается, он ничего от них не скрыл. Каким же он был идиотом!

А когда-то он увлекался на каждом шагу. Несся за очаровательной лентой на шляпке. Легкая походка, задевший его подол юбки, рука в перчатке, согнавшая муху с веснушчатого носа, — этого было достаточно, этого хватало, чтобы сердце учащенно забилося. Он радостно семенил следом с чувством трепетного ожидания. Он так сильно влюблялся, что болело все тело. Однако сейчас он утратил эту способность и, взглянув в зеркало, с ревностью вспомнил себя молодого.

Вспомнил, как впервые увидел обнаженную руку взрослой женщины, как впервые женщина распустила для него волосы. И они заструились потрясающим каскадом с запахом лавандового мыла. Он помнил каждый предмет мебели в комнате. Свой первый поцелуй. Как он это любил! Это было для него всем. Желания тела были главными в его жизни.

С безнадежностью можно смириться, пока ты сам небезнадежен. Ральфу исполнилось пятьдесят четыре, и отчаяние накрыло его как инфекция, он даже не успел этого осознать. Он не заметил того момента, когда надежда испарилась из его сердца.

Горожане почтительно ему кланялись.

— Добрый вечер, мистер Труит.

Они не могли удержаться и добавляли:

— Поезд немного запаздывает, мистер Труит?

ВЕРНАЯ ЖЕНА

Ему хотелось их ударить, крикнуть, чтобы оставили его в покое. Потому что они, конечно же, знали. Были телеграммы, банковские переводы, билет.

Они знали всю историю его жизни, начиная с младенчества. Многие, большинство, работали на него — на чугунолитейной фабрике, на заготовке и транспортировке леса, в шахте. Кто-то торговал, кто-то подсчитывал доходы от продаж или ренты. Он им недоплачивал, а сам ежечасно становился богаче. Те, кто на него не работал, вообще ничего не делали, если не считать малопродуктивного жалкого труда, поддерживавшего безмозглых и ленивых людей в суровом климате.

Ему было известно, что некоторые из них действительно ленились. Были и те, кто жестоко относился к женам и детям, были жены, изменявшие своим тупым надежным мужьям. Суровые зимы тянулись здесь долго, никто не был уверен, что дождется весны.

Существование некоторых превратилось в кошмар. В ужасные морозы люди медленно умирали от голода. Они отделялись от общества и селились одни, в лесу, в полуразвалившихся хибарах. Их находили голыми, пускающими слюни, и отправляли в Мендоту, в сумасшедший дом. Там их заворачивали в ледяные простыни и били электрическим током, пока они не приходили в себя и не успокаивались. Такое случалось.

Тем не менее каждый день все больше людей трудилось, все меньше сбегало в лес. Те же, кто оставался — нормальные или сумасшедшие, — рано или поздно нанимались к Ральфу Труиту. Ему тоже было несладко, его мучило ужасное одиночество.

— Снег будет сильный, — говорили ему.

— Уже темно, — говорили ему.

И в самом деле, четыре часа, и уже темно.

— Добрый вечер, мистер Труит. Судя по всему, будет нешуточная метель. Так и в прогнозе написано.

Их мысли были примитивны, эти люди озвучивали их, чтобы убить время и, осмелев, попытаться установить с ним человеческий контакт. Каждое обращение к нему заранее обдумывалось. Они складывали в уме слова так и этак, прежде чем произнести их вслух, а его ответ запоминали и передавали знакомым, когда он уходил.

Возможно, они скажут своим женам: «Видел сегодня мистера Труита». Вряд ли кто осмеливался называть его иначе. «Он был любезен, спрашивал о тебе и о детях. Помнит все их имена».

На слова мужей жены заявят, что Труит скупердй, мерзавец и наглый сукин сын.

«Ну, ты же знаешь, — станут урезонивать мужья, — у него были неприятности».

Конечно, они знали. Им все было известно.

Они ненавидели его, они нуждались в нем, они же его извиняли.

Он спал один. Лежал в темноте и рисовал себе этих людей, воображал их жизни.

Мужья поворачивались, смотрели на жен, и, точно взрыв, в них вспыхивало желание. Ральф представлял это желание, подогретое лишь муслиновой ночной сорочкой. Одиннадцать детей, у некоторых и тринадцать; девять умерло, четверо живы, или шесть живы, а семь скончались.

Смерти и рождения в голове Ральфа Труита переплетались в безумную ткань, накрывшую город. Яростные половые сношения и их плоды. Голые тела, слившиеся в темноте воедино, и эти же тела днем под тя-

ВЕРНАЯ ЖЕНА

жестью толстой неудобной одежды. Труиту казалось, что мужья спешат на прогретые простыни и снова хоть на пятнадцать минут становятся молодыми и влюбленными, а их измученные работой жены в эти же несколько минут чувствуют себя юными, красивыми и веселыми девушками с блестящими косами. В темноте Ральф думал только о сексе.

В основном он терпел. Но иногда терпение его оставляло. В такие ночи он задыхался под грузом похотливых картин. Вспоминал удовлетворенное желание, безмолвную физическую щедрость. В темноте это может случиться даже между теми, кому днем смотреть друг на друга тошно.

Ральфа увлекали мысли о том, что в каждом доме свой уклад. В каждой кровати — свой секс. Идя по улицам города, он отмечал на лицах следы милости, полученной в темноте. Ральф убеждал себя, что среди всех он один не нуждается в этом.

Он посещал их свадьбы и похороны. Разбирал их ссоры, сносил их длинные монологи. Нанимал и увольнял их. Не выпускал из вида, когда они, пробираясь во мрак, охотились и находили запретную любовь, чтобы с восходом солнца продолжать жить.

В то утро в зеркале он смотрел на свое лицо. Он не хотел, чтобы кто-то видел такое лицо. Оказывается, в одиночестве его хищный голод не исчез. А окружавшие его люди не были слепыми. Наверное, все эти годы они испытывали такой же ужас, какой сегодня испытал он.

В его кармане лежал конверт с письмом и фотографией некрасивой женщины, с которой он не был знаком. В этом снимке заключалось будущее Ральфа, и остальное не имело значения; даже его стыд, когда в ожидании поезда он стоял среди глазевшей на него

толпы, отошел на второй план. Ральф все сердце вложил в выбранный им курс, прежде чем просчитал, что этот курс ему принесет. Под людскими взглядами он не мог отвернуться или отказаться от своего намерения, поскольку, не раздумывая, отдался ему всей душой.

Поезд придет, так или иначе, и все, что случилось до его прибытия, останется позади, за поворотом. Отступать слишком поздно. Его прошлое станет лишь чередой событий, толкнувших его к этому отчаянному шагу, исполненному надежд.

Ему было пятьдесят четыре года, собственное лицо его потрясло, но через несколько минут и это выражение сотрется. Ральф верил, что так и будет.

Он размышлял о том, что все мы хотим самых простых вещей. Несмотря на наличие или отсутствие детей, которые к тому же иногда умирают, мы жаждем простой любви. Это не слишком много, и об этом стоит просить. Он, как и другие, имел право на любовь.

Вот уже двадцать лет ни один человек не говорил ему «спокойной ночи», когда, выключив свет, он ложился в кровать. Ни один человек не желал ему доброго утра, когда он открывал глаза. Двадцать лет никто не целовал его, и даже сейчас, когда начался легкий снег, он вспомнил свои ощущения — мягкое движение губ, сладкое томление.

Горожане поглядывали на него. Ну и ладно! «Мы были там, — передадут они своим детям и соседям. — Мы были там. Видели, как она сходила с поезда. Мы были там. Видели, как он на нее смотрел».

Ральф сунул руку в карман и сжал письмо. Он помнил его наизусть.

ВЕРНАЯ ЖЕНА

Дорогой мистер Труит!

Я простая честная женщина. Я часто путешествовала со своим отцом и была во многих странах. Благодаря миссионерской деятельности я знаю жизнь без прикрас, и у меня нет иллюзий. Я встречала бедных и богатых и не верю, что между ними есть хоть какая-то разница, потому что богатые голодны не меньше бедных. Всем нужен Бог.

Мне попадались болезни, которые и вообразить невозможно. Мне сложно находиться в мире, таком, каким его сделали люди. И я не могу с этим справиться. Даже Бог с этим ничего не может сделать.

Конечно, я не школьница. Я всегда была дочерью и давно утратила надежду стать женой. То, что вы предлагаете, не любовь, но я не ищу любви. Мне нужен дом, и я приму то, что вы даете, потому как лишь в этом нуждаюсь. Мне нужна самая малость: доброта, а она — все по сравнению с миром, который я видела. Если вы примете меня, я приеду.

С этим письмом она прислала свою фотографию. Ральф прикасался большим пальцем к потрепанному краю снимка, когда приподнимал шляпу, здороваясь с очередным человеком. Одновременно он отмечал, как этот человек оценивает его дорогой черный костюм, крепкие ботинки и пальто с меховым воротником. Ральф гладил пальцем лицо на фотографии. Оно не было ни красивым, ни робким. Большие ясные глаза смотрели в нацеленный фотоаппарат. На ней было простое платье с простым воротником. Обыкновенная женщина, которой так необходим муж, что она готова выйти за незнакомца на двадцать лет ее старше.

Р О Б Е Р Т   Г У Л Р И К

В ответ Труит отправил ей письмо без фотографии, да она и не спрашивала ее, зато вложил в конверт билет. Она остановилась в отвратительном огромном Чикаго, в христианском пансионе.

В 1907 году, в крошечном холодном городке штата Висконсин, на пороге зимы он, Ральф Труит, богатый человек, ждал поезда, который доставит ему Кэтрин Лэнд.

Он ждал ее долго и мог подождать еще немного.